

Николай Леонов

Мастер

*Часть сборника
Мщение справедливо. Плата за
жизнь. Мастер (сборник)*

МУРу – 90 лет

Николай Леонов

Мастер

«ЭКСМО»

Леонов Н. И.

Мастер / Н. И. Леонов — «Эксмо», — (МУРу – 90 лет)

ISBN 978-5-699-30924-5

Он вошел в квартиру, а грабитель стоял за дверью. Тот услышал шаги хозяина и был наготове. А того, что было потом, актер так и не узнал... Он лежал с разбитым черепом, а нашедшие в нем приют великие образы погасли. Растаяли во тьме. Навсегда...

ISBN 978-5-699-30924-5

© Леонов Н. И.

© Эксмо

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Леонов

Мастер

ПРОЛОГ

– Ну, вот и все, – сказал начальник краевого управления. – Ну, вот и пора распрощаться, Михеев. Скатертью дорога, так сказать! Три дня вам на сборы. На тары, на бары. На всякую раскачку. Потом дорога поездом – и на шестой, по месту новой службы, как часы.

Он рассуждал-прикидывал, будто это касалось его: и перевод в Москву, и железнодорожный контейнер, и всякое такое, сопряженное с отъездом. Он фантазировал, что бы сделал он в положении Михеева. Внешне это был совет о том, о сем, а по сути, рассуждение насчет того, как бы он повел себя, заполучи перевод в столицу. Первым делом он бы собирался три дня и три ночи, всласть и со вкусом пакуя каждую щетку.

А Михееву хватило дня с избытком. Ну, день бы взял еще на всякий случай. Не более того. Отдел он передал заместителю, и делать ему здесь было нечего, в Краснодаре. Лишний день – это пытка. После смерти жены минуло много времени, но город, где, куда ни ступи, все связано с ней, не перестал быть источником печальных воспоминаний.

Он просился куда угодно, лишь бы отсюда подальше. Так и написано в рапорте синим по белому. И начальник его читал, от него-то рапорт пошел вверх, переходя из рук в руки. А оттуда спустили взамен другую бумагу, и она также передавалась из рук в руки – только в обратном порядке. Это там, в министерстве, решили по поводу Москвы. Он, Михеев, узнал и подумал: ну что ж, это кстати – в Москве его дочь и внучата, – пожалуй, ему повезло.

– Там-то вы в Лужники. Там уж все матчи, – проговорился начальник.

Он все-таки слегка завидовал Михееву доброй завистью старого друга.

– Там двое внучат, в Москве. Такие подрастают сорванцы, – возразил Михеев, защищаясь.

– Ну да? За «Динамо»-то вы болеете? Не станете же отрицать?

– Разумеется.

Сказал он просто так, стараясь не обидеть. А ему давно не до футбола. Это была какая-то другая страна – футбол. Веселая и беспечная. Но ему там места не нашлось. Не подошел он как-то.

– Ваши документы.

Наконец-то он с ними расстался, начальник.

– Ну что ж, счастливого пути и всяческих успехов, – сказал он, поднимаясь и долго не отпуская михеевскую руку.

Потом Михеев зашел в хозчасть и сдал пистолет.

– Пока займитесь утюгом. Для тренировки. Чтобы кисть не отвыкла. Вытяните руку с утюгом и так подержите, – сказал начальник хозчасти, составляя акт о сдаче оружия.

Михеев расписался, где положено, и вышел на улицу. Здесь его поджидали. Напротив, через улицу, стоял пожилой мужчина в новом двубортном пиджаке и полосатом галстуке. Он привалился плечом к стволу приземистой катальпы и угрюмо смотрел на Михеева. Его глаза сидели глубоко под густыми бровями; издали просто темнели глазные впадины, и было трудно разобрать, куда смотрит их хозяин. Но Михеев знал точно: взгляд принадлежит ему. Большие мягкие листья катальпы висели почти над головой мужчины, как мягкие собачьи уши, и ствол ее, казалось, поскрипывал под тяжестью его плеча – такая сила угадывалась под пиджаком.

Михеев глянул мельком на ожидавшего и пошагал к центру города. Мужчина помедлил, точно нехотя оттолкнулся плечом от катальпы, и двинул следом за Михеевым. Иногда косясь на

витрины, Михеев видел его отражение. Мужчина шел теперь почти вровень по другой стороне улицы.

Потом он покупал чемодан в универмаге, а непрошенный спутник торчал поодаль за спиной, и публика разбивалась о него, будто о скалу, обтекала стороной.

Подобрав чемодан, Михеев направился в кассу. Мужчина стоял все на том же месте, как раз на его пути.

– А, Мастер, это ты? Ну, здравствуй. Как живешь? – сказал Михеев принужденно.

– Здорово, начальник. Твоими молитвами только, больше еще чем? – мрачно буркнул Мастер, не уступая дорогу.

– Ну, я пошел, – сообщил Михеев, хотя толком и сам не знал, зачем он это объясняет. Пошел себе – и все, какие разговоры.

Но Мастер промолчал, только выпятил нижнюю губу, задумчиво или просто так. И Михеев тоже его обогнул; при этом Мастер не шелохнулся, так и остался к нему спиной. Но когда Михеев шел назад к прилавку, Мастер все же удосужился сделать разворот. Он медленно повернул свое тяжелое тело вокруг оси и встретил Михеева лицом.

– Значит, уезжаешь? – на той же низкой ноте произнес Мастер, обращаясь скорее к самому себе.

– Переводят, Мастер, – сказал Михеев чуть ли не в оправдание.

И без этого можно было обойтись, никто не тянул за язык. Но он стоял перед Мастером и разводил руками.

– Ну-ну... – помолчав, выдавил Мастер из себя, по-прежнему не уступая дорогу.

– Такие дела, – согласился Михеев тоже после паузы, и это напомнило тот день, когда они молча два часа просидели у Мастера за столом, лицом к лицу, и только изредка цедили это же самое «ну-ну» и «такие дела».

Тогда, в прошлую зиму, Мастер ни с того ни с сего пригласил его на день рождения. И Михеев, застигнутый врасплох, от этой неожиданности принял предложение. Они сидели молча вдвоем за нетронутой бутылкой водки. Говорить им было не о чем. И они сидели, невольно погрузившись в общие воспоминания, только каждый вспоминал свое в этих совместных эпизодах.

– Такие дела, – повторил Михеев и опять обошел Мастера, стараясь не задеть.

Каким образом пронюхал Мастер о его отъезде? Тут оставалось только гадать. Может, за минувшие тридцать лет между ними уже возникло нечто вроде телепатической связи? Между ним, работником розыска, и этим матерым, замшелым преступником. Чего только не бывает! Не учтешь всего, когда вот так некий человек становится как бы частью твоей жизни. И хотя в последние годы Мастер ушел на покой, это уже ничего не меняло.

Но вот теперь их пути расходятся, и Мастер навсегда выбывает из его жизни. Михеев подумал об этом только сейчас. Его собственная судьба настолько сплеталась с судьбой Мастера, что эта мысль поначалу показалась удивительной. Он даже обернулся. Но толчея скрыла Мастера. И только по кипящим бурунам можно было догадаться, что тот по-прежнему стоит на скрещении самых людных путей: между прилавками и кассой.

Михеев поправил штатскую кепку из набивного материала и вышел на улицу.

В квартире опустело, часть вещей он уже упаковал и сложил вдоль стенки. Теперь здесь завелось эхо, и шаги его получили продолжение, повторяясь под потолком. Он набрал телефон товарной станции, справился о контейнере, который был заказан еще три дня назад, и занялся укладкой.

Вещей от жены еще оставалось много. Они попадали на глаза и под руку на каждом шагу и бередили приутихшую боль. Часть их, имевшую ценность, он отправил ее родне. Остальное отнес дворничихе. Оставил только памятное. И казалось, после этого нечего будет паковать: у него-то самого вещей раз, два – и обчелся. Но не тут-то было! Он запутался в массе мелочей.

Так уж бывает всегда, до поры до времени вещи таятся по углам, по темным закоулкам квартиры, и вроде их нет, но стоит потревожить их многолетнюю спячку, как они начинают лезть из всех щелей.

Временами хлопоты приводили его к окну, и он тогда бросал невольный взгляд на улицу. Там, наискосок, где виднелся угол сквера, сидел на скамейке Мастер.

Скамья стояла неудобно, и Мастеру пришлось сидеть спиной к михеевским окнам. Он изредка поворачивал голову и смотрел на окна. И Михееву было нетрудно представить, как багровеет могучая шея Мастера от такой принужденной позы.

Мастер сидел допоздна, пока не растворился в темноте, но утром он пришел, когда загружался контейнер. Михеев и рабочие натужно волокли пианино, покрикивая: «Давай, давай!», а Мастер наблюдал в сторонке, и его лицо с мелкими чертами было безучастно ко всей этой возне. Только его глаза временами останавливались на суетящемся Михееве, и тогда по ним можно было догадаться, что Мастер о чем-то думает.

– Чего стоишь? Лучше подмогни! – истошно завопил один из рабочих, шатаясь под тяжестью груза.

Мастер и бровью не повел, будто не его это касалось. Он-то, который пер несколько верст на собственном горбу металлический сейф средней величины, потому что замок не открылся на месте, где сейфу было предписано стоять. Тогда Мастер взвалил на себя эту стальную машину и затрусил по проселку, а потом разнес ее на куски, и Михеев вместе с оперативной группой собирал вещественные доказательства по частям: дверцу – там, а стенки – сям. И теперь такая сила стояла без действия, спокойно наблюдая за всеми их потугами.

В конце-то концов на контейнер навесили пломбу и повезли на станцию. Михеев стряхнул с ладоней пыль, вытер лоб носовым платком и только тогда посмотрел на Мастера.

– Вещички, значит? Барахлишко? – просипел Мастер со своей позиции издали и даже шага не сделал, хотя их разделяло расстояние, для беседы неподходящее.

– Барахлишко, Мастер. Вещички, – подтвердил Михеев, закурил и обвел глазами улицу, прощаясь.

Ответ, вероятно, исчерпал весь вопрос до дна. Мастер молчал. Так они немного постояли, переминаясь. Потом Михеев кивнул и вошел в подъезд, точно порвал невидимые путы, а Мастер навечно остался там, за пределами его жизни. Вечером поезд – и прощай, Краснодар!

Но Мастер решил по-своему. В его распоряжении несколько часов, и рано их сбрасывать со счета; он, видно, так полагал и потому появился на перроне. Опять его привела все та же непонятная сила. Привычка, что ли.

Под вечер у Михеева собрались друзья. Сидя на чемоданах, выпили по рюмке и потом, расхватав багаж, покатали на вокзал.

Поезд пришел со стороны Новороссийска. Он был похож на притихшую свиноматку, у брюха которой, стоя, толкутся поросята, или на бревно, облепленное энергичными муравьями, – настолько пассажиры осадили состав.

Более всего их накопилось у михеевского вагона. То ли проводница была близорукой, то ли неповоротливой, только у вагона выросла очередь. И Михеев стоял с друзьями в стороне.

Прятели били по рукам, трясли за плечо, кричали вразнобой, прощаясь.

А поодаль, широко и твердо расставив чугунные ноги, стоял Мастер. Он курил, затягиваясь неторопливо. Сигарету прятал в ладонь по мальчишеской привычке, а вторая рука была в кармане.

Покрывая шум, надрывался диспетчер, гоняя маневровые:

– Иванов, какого черта?!

Сквозь хаос продрался настойчивый голос диктора и сказал:

– ...ква осталось пять минут.

Михеев поднялся в вагон. У входа в тамбур он обернулся. Внизу маячили седые кудри и лысины друзей. Мастер стоял на том же месте. Михеев машинально ему кивнул и поволок чемодан в купе.

* * *

Мастер некоторое время машинально шагал за поездом по рельсам. Но в общем-то так все равно было ближе к дому. Словом, еще неизвестно, шел ли он следом за составом, увезшим Михеева, или просто сокращал дорогу. У моста он в самом деле свернул вправо, а отсюда до его улицы уже подать рукой.

Пока ему еще не было толком ясно, что же произошло. Вроде бы уехал Михеев – только и всего-то. Но на душе стало непонятно пусто. Стараясь разобраться, что к чему, он вспомнил одного ученого чудака. Было это лет так с двадцать назад. Сидел с ним чудака в одной камере и изрекал разные философские мысли с утра до вечера. Было морозно, и мозговитый червь накрывал свой лысый череп подолом длинного пальто, а его единственное стекло от пенсне поблескивало из этой норы. Так вот, чудака говорил, что преследуемый и его преследователь вроде бы сливаются в одного человека. И тот и другой как бы две его половинки. Чудно придумано – из головы.

Но оттого, что Михеев навсегда ушел из его жизни, и вправду становилось непривычно. Когда же он впервые увидел Михеева? Сколько лет – не сочтешь. И где это было? Ну да, тот приперся прямо на квартиру: братъ – ни больше, ни меньше. А сам был один, точно перст. Худой и долговязый. Стоял в дверях, и рот до ушей – довольный. Думал, пара пустяков взять Мастера голыми руками. Это встретившись с глазу на глаз. Тогда-то он вывернулся просто: Михеева башкой о стенку, а сам тараном в окно.

Мастер толкнул ногой калитку и пересек двор, давя подошвой сбитые ветром черные виноградины. Виноград ему достался от тетки вместе с половиной дома по наследству и теперь без ухода совсем одичал и стал мелким, с горошину.

На крыльцо выползла старуха соседка и что-то прошамкала.

– Угу, – буркнул Мастер, не слушая, занятый своим.

Он открыл дверь, прошел в комнату и сел на стул, не сняв даже кепку. «Вероятно, чудака был прав», – сказал себе Мастер. Другое ну просто трудно было придумать, хоть выверни мозги.

Глава 1

ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ ЛЕОНИДА ЗУБОВА

– Ты возьмешь шляпу в конце концов? – спросила мама устало, с усилием.

За утро она повторила это двадцать раз, и горло у нее занемело. Она стояла в дверях с кухонным полотенцем и горестно смотрела ему вслед.

– Тепло, ма. Честное слово! – крикнул он в последний раз и сбежал по ступеням на нижнюю площадку.

– Ты возьмешь... – начала она, передохнув.

– До вечера!

Он уже повернул на следующий лестничный пролет и отсюда смотрит на нее поверх ступенек, салютует поднятой рукой. Мама видит только верхнюю часть его лица и спохватывается:

– Когда ты придешь? Опять, конечно, поздно? – говорит она.

– Разумеется.

Это его просчет. После чего мама, как и следовало ожидать, пугается не на шутку. Проще было бы вечером сказать об этом по телефону, это служило бы твердым доказательством того, что он еще жив и волноваться не стоит.

– Опять?.. – произносит мама упавшим голосом.

Она имеет в виду ночную операцию.

– Не, что ты! – спохватывается он. – У меня, понимаешь, свидание.

– Совсем отбился от рук, – бормочет мама.

Он не слышит, но догадывается по ее губам. И еще она наверняка думает, как ей трудно воспитывать его без мужа. Тот ушел от них почти двадцать лет назад, и ей выпало возиться с сыном в одиночку.

– А может, вернусь и пораньше, – сказал он помягче. – Словом, я позвоню, ма. И ты не переживай.

Времени было в обрез – он летел, едва касаясь ступеней. Но на втором этаже его задержали, и ему пришлось минуты две постоять перед тридцатой квартирой.

Как только он запрыгал по лестнице, аптекарша Иннокентьевна высунулась в дверь и показала новый детективный роман. Она знала, что он в это время пройдет, караулила и не преминула похвастаться книгой.

– Про собаку со светящимися глазами, – сообщила она, стараясь вызвать зависть.

– Конан Дойл? «Собака Баскервилей»?

Он досадно махнул рукой и уже было двинулся с места.

– Так та была Баскервилей. А эта из Малаховки. В том-то и фокус. Собака-почтальон! Так и называется: «Собака из Малаховки»!

Она тщательно подготовила этот эффект и теперь торжествовала всюю.

– И зачем ей светящиеся глаза? Собаке-почтальону? – спросил он иронически.

Но для нее ирония, как всегда, была недоступной. Иннокентьевна загадочно улыбнулась, будто подготовила этот сюрприз совместно с автором. Но потом сокрушенно вздохнула и сказала:

– У вас все впереди. Прочтете – увидите. Счастливчик, еще не читали!

На троллейбусной остановке накопилась очередь. Леонид занял место в хвосте и приготовился ждать. Он подумал, как волнуется мать и насколько сам привык к своей профессии, будто работает в розыске тысячу лет...

Троллейбуса долго не было. Скопившаяся очередь роптала, и вместе с ней зароптал Леонид. Его пунктуальность никак не могла совпасть с графиком работы транспорта, из-за этого

она почти всегда висела на волоске. И когда в конце концов троллейбус пришел и все-таки довез до Петровских ворот, Леониду уже пришлось мчаться во всю прыть от остановки до управления. Он едва не прошмыгнул мимо дежурного старшины. И если бы дежурил кто-нибудь другой, он бы пронесся пулей, сэкономив массу секунд. Но именно сегодня у входа стоял тот самый багровый и важный толстяк в начищенных пуговицах.

– Товарищ Зубов, документик, – сказал старшина.

Леонид будто с ходу уткнулся в невидимую стенку из стали и бетона. И уже в который раз на этом месте у него заныло уязвленное самолюбие... К остальным работникам розыска этот старшина был мягок и смотрел сквозь пальцы на то, как они носятся мимо, не предъявляя удостоверений. И почему-то из этой многоликой массы он выбрал именно Леонида и тренировал свою бдительность на нем.

Потом Леонид взлетел на четвертый этаж и пронзил коридор, точно сквозняк. Еще мгновение, он сбросит плащ, и тогда...

– Итак, все на месте? – спросил подполковник Михеев, отрываясь от блокнота.

Он стоял возле окна и копался в блокноте.

– Все, – ответил Леонид, тяжело переводя дыхание.

Собравшиеся посмотрели на него. Он стоял в дверях, неустойчиво покачиваясь на каблуках, упираясь пальцами в косяк, и боялся оступиться назад, в коридор. Коридор еще не кабинет. И тогда докажи, что пришел вовремя.

Глава 2 ВЫЕЗД

– Зубов, – произнес подполковник, и Леониду сразу стало ясно: сейчас попадет.

Такой в отделе признак: если зовут по фамилии – значит, жди разноса. И тогда готовься – держи ухо востро и, когда начнется, терпи.

– Вот что, Зубов, – повторил Старик, видно, соображая, с какого бока удобней взяться за Леонида.

То, что он собирался сказать, осталось тайной, потому что задрезжал всеми расхлябан-ными частями старый телефон, прозванный «наганом» за безотказность. Уж сколько начальни-ков в сердцах било его же собственной трубкой по рычагам, но старый телефон только метал-лически екал и продолжал исправную службу. И не миновать бы ему мусорной ямы, не обладай он одним дорогим качеством. Через эту примитивную машинку было слышно все, что твори-лось на сотню метров вокруг противоположного конца провода. И это свойство древнего при-бора выдало начальству с головой не одного заленившегося сотрудника. Жена, конечно, уве-ряла, что муж куда-то ушел. Начальник отдела терпеливо слушал все это до конца, а потом невинно говорил: «Ну, вот он и явился, пока мы тут с вами мило судачили. Слышите, он про-сит выходные брюки. Выходные брюки ему понадобятся потом, а сейчас он срочно нужен в рабочем костюме».

Вот и теперь, когда Михеев поднял трубку, Леонид из первых рук, от самого дежурного по управлению, узнал, что произошло в его районе, хотя и сидел в противоположном углу кабинета. Пока он мчался на службу, кто-то грабил жилье инженера Крылова и унес большие деньги.

– Слушаюсь, Серафим Петрович, – ответил Леонид, выслушав распоряжение о выезде, и пошел к дежурному за подробностями.

Затем он оделся и сбежал по ступенькам во двор к машине. Там, за спиной шофера, уже сидел собаковод – конопатый добродушный парень с овчаркой. Шофер читал журнал «Здоровье» и только мельком глянул на Леонида, когда тот уселся рядом. Последним явился работ-ник научно-технического отдела, или попросту НТО. Наклонившись и отирая пот, он тащил с собой небольшой, но тяжелый чемодан с инструментами. Он еще выходил из подъезда, а уже было ясно, что это идет кто-то из работников НТО. Они всегда таскали с собой тяжелые чемо-даны, и без этого предмета работника НТО трудно было вообразить. Чемодан как бы стано-вился неотъемлемой частью его тела, и от этой вечной тяжести правая рука у бедняги навер-няка была толще левой. Леонид это подозревал.

– Взяли бы в левую, – сказал Леонид сострадательно.

– Ничего, – бодренько ответил работник НТО и начал устраиваться в машине рядом с собакой.

Леонид, обернувшись, ждал, когда тот займет свое место. Этого ждали все – и шофер, и собаковод. И овчарка тоже, высунув язык и быстро дыша, смотрела на работника НТО.

– Ты бы хоть отвернул ее морду к себе, что ли, – попросил тот собаковод. – Все-таки чудовище. Ишь, как глядит.

– Нужен ты ей. Ты для нее не существуешь, – сказал собаковод с обидой за свою овчарку.

То, что для служебной собаки существует только ее проводник, известно всем в угро-зыске, тем не менее работник НТО возразил:

– А если наступишь на хвост? Нечаянно? Тогда что? Борись за жизнь, а потом чини штаны и делай уколы.

– Ну-ну, только не калечь собаку, штаны обойдутся дешевле, – запротестовал собаковод и перевел овчарку к себе поближе.

Они, видно, были старые знакомые – собаковод и работник НТО, – а Леонид с ними выезжал впервые.

Тем временем шофер завел машину, и Леонид скомандовал: «Поехали».

Машина проскочила по бульварам, по улице Герцена, на время была затерта в механическом потоке, вынырнула из него и остановилась перед облупившимся пятиэтажным домом.

Лифт, судя по висевшей дощечке, не работал, поэтому Леонид и собаковод с овчаркой побежали на третий этаж своим ходом. Там их дождался участковый в новых больших сапогах и с традиционным кожаным планшетом в руках.

– Где хозяин? – спросил Леонид, пожимая ладонь участкового.

Соседи привели под локти крошечную старушку. Она все еще испуганно вздрагивала и озиралась по сторонам.

– К вам можно? – обратился Леонид к тем, кто привел старушку.

– Милости просим.

Овчарка нервничала, чувствуя начало работы. Ее мощная грудь напряженно дрожала.

– Начинайте, – сказал Леонид собаководу.

Со второго этажа тем временем поднимался работник НТО.

– И лифт, как назло, не работает, вывесили дощечку, – сказал он, преодолевая последний марш.

– Наоборот. Лифт работает, – возразил участковый. – На дощечке как раз и написано: «Лифт работает».

– Итак, за дело. Прошу вас, – сказал Леонид старушке, пропуская ее в соседнюю квартиру.

Ее рассказ был немногословен и состоял в основном из междометий. Женщина заново, теперь уже с облегчением, плакала, увидев зримую поддержку милиции. С грехом пополам из показаний хозяйки удалось сложить полную картину.

В восемь с чем-то утра она вышла по магазинам («Каждый день хожу. За продуктами, – пояснила старушка. – За мясом, а потом за овощами»), а вернувшись приблизительно часа через полтора, раньше обычного («За говядиной не пошла, купила свинину, закололо в боку», – пояснила она), и открыв дверь, услышала в квартире тихие шаги. Это могла быть племянница Нина. «Что-то больно рано?» – крикнула старушка и так с хозяйской сумкой легкомысленно сунулась в комнату. И вот тут случилось ужасное. Кто-то крепко взял ее сзади за локти («Будто железом», – вспомнила старушка) и сказал: «Молчи, бабка, и не оглядывайся, не заставляй убивать». Потом сильным, твердым плечом нажал на спину, отвел в кладовку, толкнул в темноту, торопливо захлопнул дверь и добавил: «Сиди тут и не рыпайся, а то будет каюк». И чем-то дверь припер. Для формальности. Потом еще с минуту походил, вроде на цыпочках, и ушел, тихо стукнув дверь. Тогда только она вышла и закричала не своим голосом.

– Страсти-то какие! Рука до сих пор болит, – закончила старушка.

Выяснив все, что можно было, Леонид сказал: «Спасибо, мамаша, отдохните здесь», – и вышел на лестничную площадку. Тут же перекуривал вернувшийся собаковод. Овчарка сидела около его ноги и виновато смотрела на своего хозяина. У нее был обескураженный вид.

– Куда следы? На улицу или во двор? – спросил Леонид собаковод.

– На улицу. А там дым и копоть. И тысячи ног. Что вы хотите – Москва.

– Конечно, в лесу полегче. Особенно зимой. Пушистый нетронутый снег и единственная цепочка следов. Не следы, а загляденье – хоть сам бери вместо собаки.

– А-а!.. – махнул рукой собаковод. – Уйду работать к Дурову. Уж там не мучают зверье, во всяком случае. А здесь сплошная живодерня. Смотри, до чего довели собаку. До невроза. Смотреть больно.

– Леонид Михалыч, – позвали из ограбленной квартиры.

– Мастерская работа. Асовая, – сказал работник НТО.

Он стоял на разостланной газете и держал в руках фотоаппарат.

– Как же он вошел, этот грабитель? – спросил Леонид, остановившись в дверях. – Входной замок целехонек. Без царапины.

– Подобрал ключ и вошел. А может, и без ключа. Поленился. Сунул грязный, нестриженный ноготь и – милости просим! Замок стандартный и разработан до того, что еще удивительно, как он не отпирается просто на просьбу: «Сезам, откройся!» – сказал работник НТО, нагнувшись над чемоданом.

Вокруг него сверкал яростно натертый паркетный пол. Вернее, кусочки пола, до того комната была мала. И видно, грабитель был ловкий человек, если расхаживал тут, не оставив и заметного следа, хотя на тротуарах жидкая грязь, масляный коричневый кисель, попробуй сохрани чистыми туфли. Разве что пронесешься по воздуху, не касаясь земли подметкой.

Но он был этакий деликатный гость. Вероятно, долго вытирал ноги у входа, уважая труд хозяйки. И даже мебель не сдвинул в тесноте; судя по всему, ходил по комнате изгибаясь, застенчивой пантерой. А уж о его бескорыстии и нечего говорить. И ковер на стене, то есть на месте. И новенький хозяйский костюмчик болтался на плечиках в шифоньере. И рядышком женские платица, висят себе и висят...

– Все на месте. Даже стул не подвинул, окаянный, – подтвердила старушка и добавила: – Только в уборной перевернул корзину с бумагой, а так все не тронут.

«Тонкий психолог этот тип – знает, где тайник у наивного обывателя».

И если бы незванный человек еще не взломал ящик письменного стола и не унес с собой огромную сумму денег, то о таком воспитанном визитере только бы оставалось мечтать.

– Две тысячи рубликов, – грустно сообщила старушка, – собирали на кооператив. И вот собрали. Кому-то на водку. На что же еще? Пропьет, проклятуций!

Леонид пробежал глазами по комнате. Оттого, что работник НТО пооткрывал дверцы буфета и шифоньера, в комнате стало еще теснее. И жили в этой крохотуле три человека – старушка, ее брат – инженер Крылов и племянница. Тут уж новая квартира нужна была позарез.

С площадки донеслись знакомые голоса, и в дверях появился начальник отдела в сопровождении своего заместителя Маркова. Они вошли в комнату и сразу засунули руки в карманы. Такая предосторожность еще никогда не мешала – что-нибудь схватишь и потом возись с отпечатками пальцев. Твои или чужие? Суди, ряди и ломай голову себе и другим.

– Ну, какова картина? Не слишком абстрактная? – спросил Михеев.

– Куда там! Чистое полотно. Сработали здорово, ничего не скажешь, – ответил Леонид и доложил обстановку, а работник НТО добавил свое.

– А вот насчет замка на ящике, так почерк пробоя знакомый, – сказал он, отрываясь от лупы. – Такой был на Сретенке и на Удальцова. И на Кутузовском проспекте тоже.

– Проверьте у себя в НТО хорошенько. Если так, то это очень серьезное дело, – нахмурился Михеев и тут же спросил: – За стол уже можно?

– К сожалению, можно.

– Пишите протокол осмотра. Понятых из соседей, – сказал начальник Леониду, расхаживая вокруг стола.

Леонид добросовестно покорпел над протоколом осмотра, взял подписи у понятых и показал протокол начальнику отдела.

– Посмотрим, – сказал подполковник, пробежал глазами по строчкам, полез в нагрудный карман за авторучкой и решил было что-то исправить, но спохватился и убрал авторучку в карман.

«Ага, горячо! В протоколе марать нельзя, это тебе не другие бумажки», – подумал Леонид ехидно.

И вечно он, этот начальник, исправляет. Нет в отделе бумажки, по которой он не прошелся бы пером. Видно, поговаривают недаром, будто начальник некогда учился в полиграфическом, но ничего из этого не получилось, и теперь он отводит душу на докладных и тому подобной литературе.

– Где же глава семьи? – пробурчал начальник, поймав иронический взгляд Леонида и пряча глаза.

Вызванный с работы глава семьи через полчаса влетел в квартиру, и из него горохом посыпались неудачные шутки. На его взгляд, это несколько скрашивало жалкую роль пострадавшего.

– Ну вот. Нет худа без добра. Иначе я бы с вами и не познакомился, – нервно сказал он для начала и поспешно добавил: – Ох и ловкачи! Успели, пронюхали. Только принес из сберкассы, так сразу и пронюхали. Ну и ну, какие ловкачи!..

Он боялся остановиться и потерять, несомненно, с трудом взятый тон. Так было легче. Он мчался очертя голову, как плохонький велосипедист, развивший огромную скорость. Худой пятидесятилетний мужчина с усталым лицом. Губы его кривились.

– Вы кого-нибудь подозреваете? – быстро и с надеждой спросил Михеев.

– Из-за денег да кого-то подозревать? Честных людей?! Пропади они пропадом, эти деньги! – сказал Крылов с бесшабашной удалью и обвел всех печальным взглядом. При этом он, вероятно, думал, что у него веселые, беспечные глаза.

– Как же пропади? Такие деньги! – сказала его сестра подполковнику. – Да он извелся, пока их занял. У кого и по сто. У кого и по десять. Всем уже задолжал вокруг. Нет, уж вы их отыщите непременно. На то и ваша служба.

– Я должен был их завтра внести. А остальное в рассрочку. На две комнаты, – пояснил инженер, сдавая позиции.

– Вот видите, товарищ Крылов, на целых две комнаты. А вы никого не подозреваете? – вставил веское слово заместитель Марков и строго посмотрел на Леонида. Он заместитель и присутствует здесь. И это должны все почувствовать. Вот так-то! Неизвестно, как другие, а Леонид почувствовал сразу.

– А мне подозревать некого, – упрямо возразил Крылов. Это была агония – силы кончились, инженер сник.

Леонид смотрел в окно и внимательно слушал. Крылов был растерян и вряд ли годился сейчас на что-нибудь полезное. Когда в голове карусель, трудно что-либо припомнить. А важна каждая мелочь. Тут уж собирай все по крупице, если хочешь найти преступника. Вернее, преступников. У него уже родились кое-какие соображения, и он хотел их взвесить.

– Где ваша дочь? – спросил подполковник.

– В институте и пока ничего не знает.

Окно выходило во двор. Там мальчишки гоняли шайбу прямо по сырому асфальту. Шайба не скользила, и мальчишки отчаянно толкали ее крючковатыми палками. Леонид перевел взгляд на письменный стол, на фотографию девочки. Фото уже пожелтело – девочке было тогда пять-шесть лет. И черты ее лица напоминали кого-то. Вероятно, остальных детей. Дети все на одно лицо и похожи.

– Это она? – спросил подполковник.

– Да. Теперь нет спасу от кавалеров. Трезвонят с утра. Большая стала совсем, повыше меня. Мать-то была высокая. Из-за этого роста одно расстройство. Подруги ходят на «шпильках». А ей нельзя. Кавалер нынче пошел низкорослый.

– Кавалеры, конечно, студенты?

– В основном они. Турпоходы, сопромат и эти – как их?.. – «спидолы»-транзисторы. И все на одну стипендию. Веселые эти студенты.

– Скажите, деньги в крупных купюрах? Или так, мелочь? – продолжал за спиной голос Михеева.

– По-всякому. Впрочем... Понимаете, тысячу пятьсот из них одолжены у брата. Он заехал ко мне на работу, мы, понимаете, отправились в сберкасса, и там, понимаете, он получил такими новенькими по двадцать пять. – Крылов потер пальцем о палец. – И отдал мне из рук в руки, – виновато добавил Крылов.

– И тут же следовало перечислить. В кооператив, – произнес заместитель Марков назидательно.

– Понимаете, – сказал Крылов, – не хватало до полной суммы. И я собрал еще пятьсот. Эти уж по мелочи.

Марков усмехнулся, как бы говоря: и вот из-за таких ротозеев теперь сбивайся с ног! Михеев покашлял, будто подал тайный знак, и спросил у хозяина:

– Проверьте: вещи целы?

– Я же вам говорила. Все как одна. Просто на удивление, – сказала сестра хозяина.

Заскрипели дверцы – Леонид обернулся. Крылов распахнул шифоньер, битком набитый одеждой.

– В самом деле, все целехонько.

Михеев и Марков переглянулись.

– Опытный, мерзавец. С тряпками – риск. Попастся легче.

– Хорошенько проверьте почерк. Точно ли авторы старые? – сказал Михеев работнику НТО.

«Эти знали, что брать. Желторотые, те б потянули все. Не удержались, – подумал Леонид. – На тряпье-то они и ловятся».

– Мы еще с вами увидимся. Сегодня вечером, – сказал подполковник, прощаясь, хозяевам.

– А замочек и филенку мы вырежем на память. Вы уж поставьте новые, и покрепче, – подал голос работник НТО, он возился у дверей, ведущих в комнату.

Леонид вышел следом за подполковником. Михеев уже нахлобучил мохнатую шапку и сосредоточенно мотал на шею теплое шерстяное кашне. Леонид скользнул привычным взглядом по знакомой фигуре начальника и едва не присвистнул. Если Серафим Петрович начинал толстеть, то делал это не по дням, а по часам. Его талия под узким штатским пиджаком за сутки катастрофически располнела. Еще вчера подполковник был подтянут, как джигит, а сегодня его поясница разбухла в два обхвата.

– Леонид Михалыч, милости прошу в мою машину, – сказал подполковник, застегивая пальто.

Глава 3

КТО ОНИ?

Серафим Петрович неуклюже втиснулся в машину. Дочерний оренбургский платок, повязанный на поясище под сорочкой на голое тело, сильно мешал, но без него радикулит крутил острее, и с платком приходилось мириться.

Радикулит он вынес из засады в студеных плавнях. Когда подстерегали Мастера. Тот уходил на баркасе из Крыма. Это была их первая встреча, и это было давно. С тех пор радикулит, как и Мастер, стал его извечным спутником, он обитал где-то внутри, дремал в затаенном логове, и когда, очнувшись от спячки, брался за михеевскую поясицу, подполковнику доставалось на орехи. Этот недуг был свиреп и коварен и заставлял всегда врасплох.

Еще вечером Михеев расслаживал на стуле и в ус не дул, и радовался жизни, а радикулит уже разминал свои цепкие лапы, и едва подполковник вздумал подняться, как он ухватил за поясицу. Жертва болезненно застыла в неудобной позе.

Встать, конечно, Михеев встал, но для этого понадобилось много лишних движений. Будто он осторожно собирал себя по частям, а до этого его разобрали. И хорошо, что в кабинете присутствовал при сем только этот юный сотрудник Зубов, вечно погруженный в анализ, иначе было бы просто неловко. Но Зубов ушел по макушку в мысли, ничего не заметил, и все обошлось без конфуза. А там уж он, Михеев, распрямился и молодецкато прошел по кабинету таким гоголем. И потом он сам хитрил – не садился целый вечер и все время был на ногах.

С таким врагом лучше не садиться. Стул тогда – опасная ловушка. Это усвоил он давно и с утра предпочитал стульям ноги после того, как дочь натерла поясицу змеиным ядом и накрутила просторную теплую шаль. Он так бы и маячил перед глазами сотрудников целый день, если бы не понадобилось в машину.

В первый раз он вылез благополучно. Незаметно крякнул и вылез. Но как это выйдет теперь, трудно представить, впрочем, впереди еще была дорога, можно было думать о другом. О том, что совершилось новое преступление. Об этой тонкой краже, после которой от преступников не осталось следов.

Он учел все точно, этот негодяй. Он заявился вовремя, когда у людей подоспела долгожданная семейная радость, растоптал ее только потому, что ему было так угодно. И, оглянься опрометчиво старуха, он бы без раздумий и деловито уничтожил ее. Ему было бы так удобней, без свидетелей. А пока он оставил ее в живых только потому, что собственная жизнь ему кажется намного дороже. Он знает: за убийство ждет жестокая расплата.

Он рационалист, этот паршивец, и рисковать не хочет.

«Кое-кто из сотрудников, – подумал Михеев, – привык ко всему. Есть на белом свете, скажем, кирпичи, крупа и преступники. Из кирпичей положено строить, из крупы варить кашу, а преступников надо ловить».

Его заместитель Марков, тот вчера сказал, зевая:

– Это закономерно. Так устроен человек. Он продукт сложной эпохи, и пока...

Не так ли оправдывает себя и преступник перед собственной совестью: сложность человеческой природы и завихрения эпохи. Ерунда, даже в самые гнусные столетия миллионы людей пронесли свою нравственную чистоту незапятнанной. Сквозь бедствия, когда уж казалось – волком вой. Это последнее дело – брать ближнего за горло только потому, что тебе плохо.

Социальные условия, сказал себе Михеев, – это, конечно, важно. Но как же с теми, кто сыт и одет? И образован? То-то! И нет в том разницы, какого ранга бандит. Не спасают титулы или, наоборот, темнота. Отсутствие диплома, что ли. Мало мы еще учим добру, частенько

забывая про это простенькое, но великое и вечное понятие. Вот что. Стесняемся. Дескать, сентиментальное слюнтяйство.

«Так оно и бывает, – подумал Михеев. – Вначале оправдания за счет эпохи. А потом цинизм. Убеждение, будто можно плевать на чужую жизнь. Люди – мухи, люди – тараканы».

Как же называется такой человек? Тот, который считает, что главное – это он, все остальные мухи? Михеев поморщился, стараясь вспомнить, – и не смог. Забыл за эти годы. Даже конфузно перед собой. Таким уж стал неотесанным.

Но он до сих пор помнит, как тридцать лет назад они убили его однокурсника Саньку из-за трешки. Любители такой философии. У Саньки только и была-то жалкая трешка, но она понадобилась жрецам самоутверждения, и они легко и мимоходом прирезали Саньку. Он лежал, согнувшись, под забором, худой от голода, так и не успевший наконец-то поест на эту с трудом заработанную трешку.

После лекций Санька еще грузил вагоны, но им на это было плевать. И было плевать на то, что он мечтал, волновался и любил, радовался жизни. Они походя сунули нож в этот трепещущий от впечатлений и беззащитный комочек жизни и ушли с помятой трешницей, топая по булыжнику, судача о чем-то своем и забыв про Саньку, точно прихлопнули муху.

Это случилось поздним вечером и недалеко от общежития. Он, студент Симка Михеев, стоял вместе с ребятами над маленьким Санькиным телом, потрясенный той легкостью, с которой убили человека.

Тогда-то, тридцать лет назад, он ушел с полиграфического факультета и был зачислен на службу в уголовный розыск.

А «Волга» неторопливо бежала в потоке машин. Машины тыкались из стороны в сторону, выбирая свободные места. От этого и от того, что бег был вроде неспешным и дружным, они казались стадом больших и послушных животных, которых легко подстегивал незримый пастух. Машины едва не терлись на ходу боками. А внутри за окнами сидели неподвижные человеческие фигуры.

Подполковник покосился направо. Там, за неясным стеклом такси, застыла, обнявшись, пара молодых.

– Современный детектив должен прекрасно стрелять, знать боевое самбо, стенографию и фото, водить все марки машин, а в отсутствие врача...

Это громко произнес Зубов. Они уже давно спорили за его спиной. Судя по всему, Зубов отбивался от двоих. А может, напал. И загибал пальцы.

Наш простой советский детектив, подумал Серафим Петрович. Интересный парень этот Зубов. Прямо со страниц воображаемого приключенческого романа. Сочиняет на ходу. Ну, если роман относительно талантлив, то это не так уж и плохо. Важно то, что у нас с ним одно общее доброе дело. И сегодня главное – найти опасного мерзавца. И как можно скорее! Кто знает, чем кончится его следующая кража. Не все покорны, как старуха, и тогда – убийство. Еще одна насильственная смерть. Сейчас он отсиживается в берлоге, незримо затаившись, но где-то есть микроскопический след, что ведет к его берлоге.

«Почерки пробоев схожи», – так сказал работник НТО. Он имеет в виду три последние кражи. Пробои были сделаны одним и тем же орудием. Этакое жало с характерным изломом.

«А что еще бросалось в глаза в этих кражах? Во всех случаях исчезала крупная сумма денег. Иными словами, в каждой из обворованных квартир лежали большие деньги. Преступники действовали без промаха. Это означало, что кто-то с острым нюхом вел разведку и потом наводил преступников. Потом приходил некто и спокойно работал в перчатках. Спокойно, потому что от неожиданного возвращения хозяев его должны были страховать другие некто. Нет, он появлялся не один. Это уж слишком для одного – четыре подготовленные кражи. Один давно бы ушел на дно и там затаился еще после первой жирной добычи. На самом деле с ним напарники, хищные, ненасытные, им только подавай. Это общее в кражах. А в чем отличие

этой кражи от предыдущих? Забрали только деньги. А костюм, пальто и шуба – в шкафу. Что это: попытка сбить следствие с толку? Или Крыловых обокрали другие? Прибыло их полку? А может, только осторожность, и всего...»

Из-под носа машины резко выскочила кривоногая бабуся и пробежала через дорогу. Шофер высунулся в окно и начал ругаться ей в спину. Но бабка только отмахивалась и продолжала свой путь. На той стороне стояла очередь, и шофер понимающе затих.

Серафим Петрович неловко шевельнулся, в поясище резко заломило. Он застыл, пережидая боль. Точно решил ее обмануть: дескать, его нет, и она, мол, может убраться восвояси. Боль поверила и уползла куда-то вглубь, где было ее логово. Подполковник сел поудобней и послушал, что происходит сзади.

Там Зубов все еще вел наступление. Он опирался на литературные источники. И его оппоненты, вооруженные только практическим опытом, явно пасовали.

«Так кто же преступники?» – в который раз подумал подполковник. Ясно, не дети, нашедшие кратчайшую дорогу к бюджету на мороженое. Здесь видна мозолистая рука кустаря-профессионала. Умение ветерана ножа и отмычки. Нахальная уверенность зрелого волка. А коли так, его фотография должна числиться в нашей картотеке.

Машина свернула с Петровки в боковой переулок, и шофер сказал:

– Вот мы и дома, – и заглушил мотор у подъезда.

Предстояла высадка из машины, и радикулит оживился. Тогда подполковник напустил на себя озабоченный вид и начал рыться в карманах. Он ждал, когда выйдут сотрудники. Они вышли и начали, в свою очередь, ждать его. Тогда он стал еще озабоченней, махнул им рукой: мол, ступайте, я тут долго, черт побери! И потом только полез из машины. Шофер следил с любопытством.

– Отсидел, понимаете, ногу, – с фальшивой беззаботностью сказал подполковник, поймав его заинтересованный взгляд, но сейчас же последовал сильный выстрел изнутри, и подполковник замер, как сомнамбула.

Шофер сидел точно на аттракционе.

Подполковник пришел в себя, постоял у машины, якобы полюбовался на старую церковь, и поднялся к себе на четвертый этаж.

У кабинета ждали сотрудники. Он повесил пальто, кивнул Зубову: «Прошу, начинайте», – с отвращением покосился на зияющую ловушку кресла и пристроился возле трубы отопления.

– Прежде всего преступник очень опытен. Я хочу начать именно с этого, – произнес Зубов торопливо, будто в нем прорвалась плотина. – Он умен и многое знает, этот тип. И по своему талантлив.

– А может, это был сам Шлепа? – невинно вставил Марков, и все засмеялись – это была популярная шутка.

В отдаленные времена водился такой незадачливый вор Шлепа. Не вор, а растяпа. Он блестяще прошел в квартиру известного ученого, точно в дверях был не замок, а брикет сливочного масла. И вся его работа в квартире являла верх воровского мастерства. Он творил чудеса. Шлепа сгрел большие деньги и напялил на себя заграничный костюм хозяина. А свой швырнул небрежно в мусорное ведро и скрылся, словно дух.

Но тут его и подвела элегантная рассеянность. Он оставил в кармане пиджака паспорт с пропиской, и милиции понадобилось на поиски грабителя ровно столько времени, сколько необходимо для того, чтобы доехать от места преступления до квартиры Шлепы... Его застали за стиркой носков, и Шлепа долго держал мыльные руки над головой, ничего не понимая.

Это было давным-давно, и след Шлепы затерялся в толще лет, но с тех пор шутка о незадачливом воре прочно вошла в быт розыска. Так и говорили: «А может, это был сам Шлепа?» Значит, дело запутанное, можно свихнуть мозги.

– Продолжайте, – кивнул Михеев.

Мысли Зубова почти совпадали с его собственными. Лишь ход их был более извилист. Зубов нырял в кипящую пучину рассуждений; и порой казалось, там ему и будет конец, но он все же выбирался на отмель, и каждый раз в точке, близкой к мнению подполковника.

В том, что кража не была случайной, Зубов тоже не сомневался.

– Кража тщательно продумана, и преступник все учел до мелочей. Он знал очень точно, что в квартире имеется крупная сумма. Откуда ему это было известно? Возможно, кто-то увидел в сберкассе и проследил за Крыловым. Возможно, сообщил кто-нибудь из окружения Крыловых. Найти источник информации – значит ухватить за нить... Второе... Мы имеем дело далеко не с новичком. И искать его нужно среди старого преступного мира. Именно там. В каждом его движении виден огромный опыт. Вы только посмотрите: когда появилась старуха, он твердо знал: это могла быть только она, и больше никто не придет. Иначе он не был бы так хладнокровен. Потом...

– Вы полагаете, встреча со старухой входила в его расчет? – спросил подполковник.

– Вряд ли. Это пахло «мокрым делом», а на «мокрое дело» знаток Уголовного кодекса вряд ли рискнет. Это ни к чему, если можно без встречи. Скорее здесь просчет. И вот тут начинаются парадоксы. Степень подготовки преступления говорит о том, что он орудовал не в одиночку. С другой стороны, этот промах наводит на мысль об обратном. Попробуем представить, как все произошло, как он столкнулся со старухой. Смотрите, старуха ушла в восемь утра, а кражу совершили в девять, – продолжал Зубов, блестя глазами и покрасневшись от азарта. – Окажись их хотя бы двое, второй, наверное, дежурил бы у подъезда и вовремя предупредил напарника, заметив возвращение хозяйки. И так бы кончилось – без встречи. Но что же вышло на самом деле? У хозяйки заныл бок, она вернулась раньше предполагаемого времени и неожиданно вошла в квартиру...

Здесь его прервал «наган»: старчески задрезжал, и подполковник снял трубку.

– Слушай, Сима, – произнес начальник НТО, – у нас твой замочек, и почерк пробоя подтвердился вполне. Сретенка и новая кража – сущие близнецы. Словом, в заключении увидишь и...

Он что-то сказал еще. Про футбол и погоду. Но это было неважно, и подполковник не слушал его. Предположения подтвердились, этот неясный след вел в старый преступный мир. Подполковник подумал о тех, у кого был похожий почерк.

И тут же в памяти выплыл Мастер. Он был самым искусным из них – беркут по сравнению с коршунами – и всплыл поэтому первым. Но это было давным-давно, почти легенда. Осталась одна душещипательная блатная песня, живописующая его подвиги. И поют ее теперь на нарах. А сам он ушел на отдых. И стоял полтора года назад на перроне Краснодара. Его лицо проплыло за окном вагона, когда пошел поезд, угрюмое, но уже безопасное для людей. Он кончился, Мастер. Уж это Михеев знал.

А здешний преступный мир он знал пока неважно. Тут карты в руки заместителю.

– Почему не взяли шубы и костюмы? – говорил между тем Зубов. – На этот раз, возможно, было не до них. Хозяйка потрепала нервы, и тут хотя бы деньги унести подобру-поздорову.

Михеев жестом остановил Зубова.

– Первое, – сказал подполковник. – Выяснить, кто общался с семьей Крыловых после шестнадцати часов вторника до двадцати четырех среды. Здесь три версии: отца, его сестры и Нины.

«Версия Нины, пожалуй, важней, – подумал подполковник. – У старших круг знакомых поуже и в какой-то степени подобран. За годы он утрясен – все свои».

Он оценивающе посмотрел на сотрудников... Двое из них не годились – видно за версту, что из милиции, и штатские костюмы на них точно с чужого плеча. В институте будут белыми воронами.

– Версию Нины возьмете вы, Леонид Михайлович. Сберкассой займется Храпченко.

Глава 4

ВЕРСИЯ НИНЫ

Он зашел в деканат и представился двоюродным братом Нины. Он десять дней не видел сестру, и вот, понимаете, выпал случай. И не скажет ли любезная секретарша, где сестренку найти.

Секретарша понимающе улыbnулась, потому что все молодые люди, как правило, приходится девушке двоюродными братьями, если им нужно что-то узнать по ее поводу. Ну, скажем, например, где ее отыскать.

Она пробежала глазами по спискам, заглянула в расписание и назвала аудиторию.

– Это на втором этаже, – доброжелательно подсказала она и, будто что-то вспомнив, взглянула на него с непонятым любопытством.

Он поднялся на второй этаж, отыскал нужную аудиторию и в ожидании перерыва долго слонялся по коридору, читал стенные газеты и объявления кафедр. Потом по зданию прокатился пронзительный звонок, будто рассыпали поднос со стеклянной посудой, и в коридор из всех дверей повалили студенты. Леонид облюбовал долговязого парня, лениво вышедшего из той самой аудитории, и попросил показать Крылову.

– Имею порученьице, но, понимаете, не знаю в лицо, – пояснил он, когда парень заколебался.

Долговязый тоже взглянул как-то странно, отошел, ничего не сказав, и вернулся с высокой, крепкой девушкой. «Ясно, играет в баскетбол», – подумал Леонид. Она возвышалась над ним почти на голову, это при его немалом росточке, и Леонид теперь понял, чем было вызвано любопытство секретарши. И улыбнулся сам.

– Нина, – сказала она без церемоний и протянула ладошку.

– Леонид, – представился Зубов, пожимая теплую ладошку, ее ногти были коротко острижены.

«Так и есть, баскетболистка», – подумал Леонид и, хотя это для дела ничего не значило, остался доволен своей проницательностью.

А вокруг да около слонялся тот самый долговязый парень, стриженный под ежик, не сводил настороженно-вопросительного взгляда и, судя по всему, был начеку.

– Признаться, мое дело очень деликатное, – сообщил Леонид и показал удостоверение.

Она была в недоумении.

– Лучше будет, если вы пойдете со мной, и волноваться не стоит, – сказал он, стараясь быть тактичным, – но этого никто не должен знать. То есть куда вы сейчас отправитесь. Сочините предлог про грипп или еще что-нибудь такое. Я сам был студентом и знаю, как это делается.

– Жека, – сказала Крылова изнывающему парню, – если что – я заболела. Это для старосты.

Парень поднял руку, протестуя. Леонид тоже поднял руку и сказал: «Пока».

Его стол поставлен боком к стене. Сюда же, к этой стене, собрано все имеющее относительный вес. А венский стул, для гостей, – в противоположном конце стола, и попробуй дотянись до настольной лампы – не хватит руки. Леонид хитер, во всяком случае, он сам так полагает и сделал это специально после того, как один угрюмый тип весом в шесть пудов молча поднял гранитный чернильный прибор, и Леонида спасло только обезьянье проворство. И он и этот угрюмый сели на свои места, размазывая по лицам густые канцелярские чернила.

Теперь на венском стуле находилась Нина. И хотя настольная лампа ей была ни к чему, венский стул, как обычно, стоял у свободного края стола. Такое уж у него было привычное место.

Леонид рассказал ей о краже, готовый утешить. Но она не нуждалась в этом.

– Слава Богу, главное – тетя жива, – облегченно сказала она и добавила: – Бедный папа!..

– Я вами восхищен, Нина Алексеевна, вы сильный человек. А теперь мы начнем по порядку, – сказал Леонид, положив сцепленные ладони на расчищенный стол и увлекаясь предстоящей задачей.

Цепь тонких, деликатных вопросов, и он ювелирно подведет Нину к тому, что сейчас, возможно, знает только она одна и пока не ведает этого. Он имеет в виду человека, который совершил преступление.

Леонид мысленно засучил рукава и пустился с места в карьер. Прежде всего он никого не подозревает. Из ее друзей. Упаси Бог, он далек от этого. Но преступник пронюхал; и как он это сделал, надо разобраться. Он мог узнать от нее, или друзья проболтались, буркнули где-то, а он подхватил. Намотал на ус, а потом залез в квартиру – и готово! Денег нет, а тетя еле осталась жива. В таком духе начал Леонид.

– Нет. Я никому не говорила. Мне бы и в голову не пришло, – сказала Нина твердо. – И потом это такое стеснительное дело, когда занимаешь, просто неудобно говорить...

Она и сама узнала случайно, когда забежала домой. Она, торопясь, ела омлет, и тут отец сказал про деньги. Про то, что собрал-таки нужную сумму и дня через два отнесет в правление кооператива. Она порадовалась, конечно, вместе с тетей и отцом и затем убежала на тренировку. Она играет в баскетбол, и скоро матч с университетом.

– Но он-то, вор, узнал! – заметил Леонид с улыбкой педагога. – Значит, где-то вы сказали, а потом забыли. Это было вскользь в разговоре, и теперь вы забыли где.

– Но это мог сделать и папа. И тетя.

– Согласен. И папа. И тетя. Но сейчас речь идет о вас. Давайте разберем каждый шаг и найдем то место, где вы сказали вскользь и забыли. Итак, начнем по порядку: вы съели омлет, и затем была тренировка.

Они сидели два часа, и Леонид восстанавливал прожитое Ниной по минутам.

Наконец они добрались до момента, когда Нина села в такси. Был первый час ночи, и троллейбусы редко ходили. И потом хотелось спать, она устала, а подъем рано утром.

– Минуточку, – спохватился Леонид. – Тренировка закончилась в десять. Ну, полчаса на душ и сборы. А вы говорите – в первом часу.

– Я потом еще погуляла. Ходила, дышала. Воздух, видите ли, свежий. Знаете, ночной.

– Вы гуляли одна? Или с кем-то? Учтите, я стараюсь ради вас. Это не меня, а вас ограбили.

– Я понимаю. Я гуляла одна... Вернее, с подружкой.

– И кто она? Баскетболистка? – Леонид нацелил карандаш.

– Точнее, это Жека. Вы видели его. Он мой однокурсник. Был великий студенческий день – выдали стипендию, и Жека смог раскошелиться, сделать шикарный жест, взять такси и с комфортом доставить к подъезду.

Его они долго ловили, стремительное такси. Свободных машин много, но таксисты были себе на уме и проносились мимо. Тогда Жека поднял два пальца, сам не зная зачем. Просто от отчаяния. И хотя стояла темь, один водитель клюнул на эти пальцы и подогнал машину.

– Вы сели в такси, и тут-то был разговор про квартиру, – произнес Леонид. – Вы переезжаете в другой район, а оттуда вам до института добираться вечность. Но все равно. Это будет отдельная квартира, и папа деньги скоро отнесет. Сотня, другая остались. Вы так сказали. Верно?

– Именно так и сказала, в самом деле, я подумала, что ездить будет далеко, и сказала Жеке об этом почти дословно, – вспомнила Нина. – Об этом я точно сказала. Про деньги не помню. А это... Как вы узнали? Вы телепат?

– Я просто аналитик. По складу. Немного анализа, и только, – признался Леонид довольно скромно и добавил: – Телепатия – это неплохо. Настоящий детектив должен быть и телепатом.

– Но Жека очень честный, и потом... – Она смутилась.

– Он нам поможет, только и всего. И за него не бойтесь, если так. И заранее молчок, о чем тут речь. Иначе будет плохо в смысле психологии. Он забьет себе голову мусором.

Леонид с вождением записал фамилию Жеки и даже обвел карандашом. Получилась виньетка.

– Ну, а как таксист? Что он собой представляет? Я имею в виду внешность, – встрепенулся Леонид.

– На вид симпатичный, – припомнила Нина. – И похож немного на вас. Такой крепыш.

– Ну, это субъективное мнение и ничего не говорит. А номер машины не помните? Может, отдельные цифры?

Но тут он ничего не мог поделаться. Она не помнила, и все. Оставалась надежда на Жеку.

Жека прибыл утром. Нина разболтала все, и тот пылал мстостью. Он нетерпеливо посмотрел на Леонида, поискал глазами по углам, где тут грабитель, – и Леонид быстро понял: «Это не он». Если нити шли к преступнику от Нины, этот парень не имел с ними ничего общего. Леонид верил в свою интуицию.

Укротив свирепого Жеку, Леонид начал плести вопросы и кое-что выколотил из него. Для этого крепко пришлось поработать. Но и Жека не помнил шофера в лицо. Один только отсвет приборов. Было темно, и у того лишь белели зубы. И еще он был спокойный парень. Такое сложилось мнение у Жеки.

Он доставил Нину до самых дверей, они стали болтать там немного, у кнопки звонка. Тогда водитель поднялся наверх и спросил, в чем же дело. Сказали, минутку, а тут целых пять.

– Не бойся, шеф, не сбегу, – ответил Жека.

– А я не боюсь, – спокойно возразил водитель.

Он стоял площадкой ниже, крутил на пальце ключи. Был полумрак, и тень от кепки закрывала лицо, но все равно было заметно, насколько он спокоен.

– Дело в том, что я борюсь за перевыполнение плана. И если долго стоять – не наездишь особо. Да и скоро в парк, – так он объяснил свое появление, подбросил ключи, поймал и отправился вниз, к машине.

Когда Жека спустился вниз, таксист пинал баллоны. Затем они долго катили в другой конец Москвы. Жека уютно сидел рядом с шофером и меланхолично слушал, как тикает счетчик. И смотрел, как болтается перед стеклом слоник из черной пластмассы, на фото кинозвезды, приклеенное на панель, рядом со счетчиком. Внизу на белом поле открытки тянулась дарственная надпись. Что уж она означала, Бог ее знает. Почерк походил на мелкую вязь, будто плели кружево из алфавита.

– Писала сама, – похвастался шофер и щелкнул по фотографии.

Потом он дал шоферу что положено. И на десять копеек больше. А шофер сказал:

– И только-то? А зачем же ты поднял два пальца?

– А что означают два пальца? Я поднял просто так.

– Не знаю, что они означают, – сказал шофер задумчиво. – Но если ты их поднял, должны бы что-то означать. Во всяком случае, не десять копеек, а что-нибудь поболее. Может, два пальца – это двойная оплата? Ты не знаешь? Можно и так подумать? Верно?

Он не буйнил и не грозил, получив еще копеек десять, козырнул и поехал. И еще какое-то время не спеша разворачивал машину. Наезжал на тротуар, пятился задом и высовывал голову наружу.

На этом Жека выдохся совсем, и Леонид отпустил его с Богом. Но тот топтался на месте.

– Вы с Ниной знакомы давно? – выдавил он наконец.

А сам начал колупать пальцем двери, будто спрашивал между прочим, а главное – это было продырявить двери насквозь.

– Со вчерашнего дня, – произнес Леонид благородно. – И знакомство наше, старик, чисто служебное.

– Да нет. Я ведь ничего. – Жека засмутился от чужой проницательности.

Леонид улыбнулся по-отечески и глазами сказал: «Ничего, ступайте. На здоровье любите себе. А уж мы постоим на страже. Такая у нас судьба».

Потом он стал подводить итоги, собирая то, что имел, и выходило не ахти. Подвешенный слоник и фотография актрисы – вот и все. А машин в столице тьма-тьмушая, и попробуй каждую обшарь. К тому же они на ходу. Носятся по улицам и площадям словно угорелые.

Глава 5

КОГДА ВЫ СТАНЕТЕ ДЕДУШКОЙ

Дети сбежали в театр, а внучат поручили ему.

И так случалось каждый раз, стоило ему зазеваться. Хорошо, если в городе обходилось без происшествий и вечером можно было работать на дому. Хотя присмотр за внучатами и работа вместе не вязались. Их двое, внучат, – Толя и Лена, но впечатление такое, словно строительная бригада рушит дом.

– Лена, кому говорят? – крикнул Михеев и стащил девчонку со стула.

И вовремя – она уже была намерена сбросить со шкафа кофейный сервиз. Сволокла поближе к краю и подбирала наиболее эффектный момент, чтобы прозвучало погромче.

– Толя! – крикнул он в сторону кухни.

Там на миг притихло, а затем возобновилось с удвоенной силой – шорох и перестук кастрюль и ведер.

Михеев собрал крошечных дикарей в один угол, вытер им носы и подsunул грудку игрушек. Вернее, остатки игрушек – утиль.

– Какие послушные ребята, – льстиво сказал подполковник, словно только что узнал об этом и был приятно поражен. – Теперь они будут тихо играть, а дедушка работать. У дедушки важное дело. Правда? – спросил он с надеждой.

Детишки охотно кивнули. Они были добры и покладисты, и, если дедушка просил, они шли ему навстречу.

Он простодушно поверил и вернулся за письменный стол. Служебных забот был полон рот. Минул порядочный срок, почти что месяц, а дело с кражами не двигалось с места. Версии старших Крыловых пока ничего не давали. Хотя и сбрасывать со счета их было рановато.

Тут стеклянные вещи задрожали от слаженного вопля. Малышам приелась филантропия, и они стали друг друга тузить – для зачина.

Михеев терпеливо растащил их в разные стороны и опять было взялся за свое, но Лена, не мешкая, прищемила дверью палец, а Толя, соревнуясь с ней в проказах, сказал:

– А я напрудил в штаны.

Михеев подул на прищемленный пальчик Лены и сменил штаны ее брату. И вроде снова стало тихо. Он вернулся к столу.

Единственное, за что еще можно было как-то зацепиться, – версия Нины. Такси с фотографией актрисы и пластмассовым слоном.

Обычный слон, запущенный в массовое производство. Обычная фотокарточка, из тех, что красуются в витрине любого киоска «Союзпечать». Разве что тот экземпляр отличается от прочих автографом актрисы. Как там... Что-то о галантности. Видно, обладатель автографа побывал на творческой встрече с актрисой и в чем-то себя проявил. Может, стул пододвинул или что-то подал. И разыскать его не стоило труда, всего лишь потребовалось время. Уйма времени. Пришлось сотрудникам ползти в таксопарках. И вот она, эта машина. Водителей – двое. И один из них, Семен Володин, значился в картотеке розыска под кличкой Бык.

Михеев отвлекся. Его ухо уловило отдаленный шум воды, точно где-то возник водопад. Из коридора, осторожно прощупывая дорогу, выползла многолапая лужа воды. А в ванной довольный Толя поливал себя всюю из душа.

Михеев стянул с него одежку, но запасы сухих штанов были исчерпаны, и пришлось оставить малыша в одной фланелевой ковбойке. После этого Михеев засучил рукава и долго собирал тряпкой воду. Покончив с водой, он стал разыскивать притихшую Лену. Ее розовая

нейлоновая попка торчала из-за кухонного стола. Она дразнила кошку, но кошка была уже пожилой и умной и не поддавалась на провокацию.

Михеев вытащил Лену, понес ее на одной руке. Она болтала ногами. По пути он нагнулся, подобрал вконец растерзанную куклу и пожурил:

– Ай-яй-яй! Разве можно так обращаться с куклой? Была кукла – и нет ее, бедняги.

– Подумаешь, – ответила Лена и свесилась с его руки. – Если надо, я таких народю сколько хочешь.

Михеев сунул им по печенью, и они блаженно замолкли. Получив новую передышку, он сел на диван.

Так вот, этот парень – гоп-стопник по-блатному, а в переводе – уличный грабитель. Но это в прошлом у Володина. Теперь он неплохой водитель, и в отделении милиции не было претензий, когда Михеев позвонил. Ну изредка пьет, сказали. Ну гуляет. Он холостой мужчина и в самом расцвете лет.

Потом он грабил только на улице, Бык-Семен, а это забывать не стоит. Консервативнее вора народа не сыщешь на свете.

Наконец, кто уверен, что он услышал про деньги? Мало ли о чем говорят за спиной, а у водителя свои заботы. Чего только стоят одни дорожные знаки. За ними следи и следи, и не знаешь, на каком перекрестке милиция. А потом она вослед на мотоцикле, и тогда не оберешься хлопот.

И Марков такого же мнения. Зубов на ложном пути, так и сказал подполковнику. Зубов, словно котенок, поймался на яркую и пеструю игрушку, которая мелькнула перед носом, добавил тот же Марков. Он, конечно, резок, его заместитель, и прямолинеен, и Зубов не котенок. Но Марков опытен и то, что говорит, прекрасно знает и отдает себе в этом отчет.

Однако проверить Семена придется, на всякий случай. Он мог кого-то навести, а сам податься в сторону: мол, остальное не его. И тогда это будет ключ к разгадке, тот самый хвост.

Семен парень, видно, разбитной, и пусть им займется все тот же Зубов. Тут нужен молодой сотрудник – для контакта. Пусть посмотрит, кем он стал, этот уличный грабитель. Порой достаточно посидеть за одним столиком, перекинуться десятком слов – и сразу станет ясно, какой перед тобой человек. А если он полез в карман и на свет появились купюры по двадцать пять, такие хрустящие, то это точный путь к разгадке. Но если он теперь хороший парень, тогда, уходя, скажи ему: «Спасибо за компанию», как это бывает между честными людьми.

– Вот так-то. Кислые дела, – сказал он портрету жены.

Портрет висел над письменным столом Михеева. Ее глаза будто следили за ним, будто сопровождали каждый его шаг. Значит, она смотрела в объектив, когда ее снимали.

Уже забылось, сама ли она смотрела в объектив с таким выражением или это последствия ретуши, – словом, у жены был чуточку обиженный взгляд. И немудрено: Михеев всегда оставался перед ней в долгу. И теперь – после ее смерти. Она умирала в больнице. Михеев это знал и вместе с тем умчал в станицу Пластуновскую за Мастером... Кому, как не Михееву, были известны все повадки старого волка, и будто на роду было написано принять этот заключительный шаг Мастера, как и многие предыдущие. Точно стал он его личным оперуполномоченным...

Мастера он взял уже в десятке верст от Пластуновской, в лесополосе, и, когда позвонил в больницу из ближайшего сельсовета, ему сказали все, не скрывая.

А Мастер, сгорбившись, сидел на табурете. Он сообразил, о чем шла речь по телефону, и, едва глаза их встретились, угрюмо пожал плечами.

– Дедушка, – зашептала вкрадчиво Лена. – Он перепачкался ваксой.

Из коридора сияла счастьем перепачканная рожица Толи.

Но уложить их было самой трудной задачей. Он долго ее решал, и совершенно попусту. Они заснули сами, по углам, а он их собрал, разнес по кроваткам.

Глава 6

ФАРЦОВКА

Каждое утро Леонид гладил новые брюки и лез в роскошный шведский свитер. Прекрасный колючий балахон, он висел почти до колен и был одолжен у приятеля на время.

– Смотри не испорть. На нож не попадайся. Он мне как двоюродный брат, этот свитерище, – объяснял приятель, известный молодой актер.

Едва он появился в таком ярком оперенье в первый день, к нему сбежался весь розыск. А Михеев только посмотрел вопросительно.

– Можно и в строгом костюме. Но он наводит скуку, и разговор не пойдет на лад. Сухой, интеллигентный вид не для Семена, – разъярил Леонид и нежно погладил лохматый свитер. – А эта бизонья шкура так и просит развязать язык. Болтай – не хочу. Словом, компанейский костюм.

И теперь который день он сидел в кабинете и ждал, когда позовет Михеев. А Михеев, в свою очередь, тоже ждал. Кто-то должен сообщить по телефону, в каком ресторане Семен. Но Семен вел постный образ жизни, словно на смех, и эта волынка тянулась до сих пор. Леонид немного устал от бесконечного ожидания. Он рвался к действию. Он чувствовал себя тугой закрученной пружиной, которой вот-вот предстояло разжаться.

В мыслях Леонид уже не раз встречался с Семеном. Представить облик будущего собеседника было не трудно – стоило глянуть на его паспортную фотокарточку. Типичная физиономия лихого таксиста. «Смотрите сюда», – вероятно, сказал тому фотограф, снял колпачок с объектива, сделал им плавные пассы, изящно оттопырив мизинчик, и на пленке получился Семен, ждущий чуда из черного мерцающего окошка.

Так вот он поболтает с этим паспортным Семеном сначала на один, потом на другой манер. Прикинул, что и как, возможные ходы, будто поиграл в шахматы с незримым партнером. Ему при этом мешали, несли по телефону всякую чушь про брюки и свитер.

Потом он шлялся по коридорам и сам мешал другим. В таком виде он как-то попался Маркову; тот шел навстречу и остановил Леонида.

– Я тебя понимаю. Я и сам такой нетерпеливый, – сказал заместитель. – Сдохнешь от тоски с нашим Петровичем. Но между нами, его можно понять: сидеть на отделе не шутка. Тут дыши осторожно, а бурных дел невпроворот, попробуй совмести и то и это. В провинции было потише. Ему бы к нам пораньше, во времена Шлепы, тогда еще куда ни шло. Но мы с тобой не осуждаем и терпим пока. Верно? – Он заговорщически подмигнул и энергично зашагал по коридору.

Он был, как всегда, по-спортивному подтянут, смотреть на него было любо-дорого.

В этот день ожидание тянулось только до шести. Звонок наконец состоялся, и подполковник вызвал к себе. Он снял первым делом пушинку с плеча у Леонида и завел разговор, что к чему. А Леонид послушно кивал.

И вот что он узнал. Семен не утерпел и оскормился – пришел в кафе «Националь». Свершилось это пять минут назад. Теперь он там сидит, и Леонид должен пристроиться за его столом. Возможность такая будет – остальное зависит от Леонида.

– Из кафе ни шагу, если Семен позовет, а по пьянке такое бывает. Это соблазн, и немалый, но из кафе ни-ни. А домой к нему и подавно – таков мой приказ, – закончил Михеев.

Леонид другого не ждал.

– Хорошо, – ответил он, повинувшись. – Мне понятно: из кафе – ни шагу. А домой к нему – тем паче.

Но Михеев провел еще, как нянька, на улицу, вплоть до машины. И сделал это на глазах у отдела. А кто-то разошелся, крикнул за спиной:

– Кланяйся Шлепе!

Но Леонид и это стерпел. Он уже включился в работу.

Он вышел из машины за Центральным телеграфом и быстрым шагом спустился к Манежу.

У стеклянных дверей кафе маялась очередь. Симпатичные девочки и высокие тонконогие ребята в коротких плащах. Торчат на ветру, все ожидают терпеливо.

– Я выходил! – крикнул Леонид на бегу.

– Безобразия! Пройдоха! – загалдели ребята.

Но Леонид уже миновал теплые волны от калориферов в тамбуре и оказался внутри.

– Я выходил. Разве не помните? – сказал он швейцару.

Но швейцар не помнил и затих, только получив двадцатикопеечную монету.

Теперь оставалось главное – сесть за столик Семена. Если не будет места, придется ждать опять, сидеть у телефона. Но тут уже должен кое-кто постараться, и Леонид рассчитывал на него.

Он повертелся у зеркала, пригладил пробор, навел подходящее выражение на лицо. Рядом в закоулке, под лестницей, багровый от водки мужчина кричал в телефонную трубку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.